

изводства, перерабатывающемъ мѣстное сырье? Бумажная ткань вытѣснила льняную, и наше льноткацкое производство сократилось. Отсюда ясенъ вредъ протекционизма. И г. Сергѣевъ думаетъ помочь полотняной промышленности уничтоженіемъ пошлинъ на бумажныя ткани. Но если бы г. Сергѣевъ чутьчку подумалъ, то онъ увидѣлъ бы, что открытіе иностранному ситцу и клеюкору свободнаго доступа на русскій рынокъ привело бы къ совершенно обратному—не къ развитію, а къ еще большому сокращенію нашего полотнянаго ткачества, такъ какъ, если наше полотно не можетъ конкурировать съ дорогимъ русскимъ миткалемъ, то тѣмъ непосильнѣе для него конкуренція съ дешевымъ англійскимъ.

Вообще г. Сергѣевъ шутить не любитъ и на полдорогѣ не останавливается. Не довольствуясь утвержденіемъ, что «наша фабрично-заводская промышленность построена на пескѣ», онъ высчитываетъ убытки, приносимые намъ фабричнымъ производствомъ, и приходитъ къ удивительному выводу: оказывается, что съ «народной точки зрѣнія» наши фабрики не только не даютъ дохода, но за удовольствіе ихъ имѣть русскій народъ ежегодно приплачиваетъ изъ другихъ доходовъ 119 мил. рублей и, кромѣ того, теряетъ трудъ 1½ мил. людей. Иными словами, если бы всѣ фабрики, по выраженію г. Сергѣева, немедленно «пропали», то мы не только ничего бы не потеряли, но даже очень много приобрѣли. *(о кн. С. Сергѣева «Народная точка зрѣнія», 1897 г.)*

Къ этому безподобному расчету прибавлять нечего. Г. Сергѣевъ, повидимому, полагаетъ, что достаточно умѣть болѣе или менѣе грамотно излагать свои мысли, чтобы писать объ экономическихъ вопросахъ. Но для послѣдняго требуется еще нѣкоторое знакомство съ дѣломъ, котораго не хватаетъ г. Сергѣеву, и потому его книга вышла въ научномъ отношеніи совершенно безграмотной.

IV. Народныя книги.

«Новая серія изданій» т-ва Н. Д. Сытина. М. 1897 г.

Имя г. Сытина въ области нашей такъ называемой народной литературы невольно ассоціируется съ именемъ той не очень чистой силы, которая смущала даже Коробочку. Однако лежащіе передъ нами томикъ послѣднихъ изданій любезнаго предпринимателя показываютъ своимъ содержаніемъ, что для настоящаго времени онъ созналъ выгоду сбыта много литературнаго матерьяла, существенно отличающагося отъ хлама съ чертовщиной, такъ долго и свободно просвѣщавшаго темныя головы. Подобное стремленіе намъ кажется немаловажнымъ: если самъ король Никольскаго рынка намѣренъ бороться съ интеллигентно-народными фирмами ихъ собственнымъ орудіемъ, значитъ, въ самомъ дѣлѣ снизу идетъ—не смотря ни на что—серьезный запросъ на «хорошую книжку»... Безусловно сочувствуя начинаніямъ издателя, изъ какихъ бы побужденій они ни исходили, попробуемъ опредѣлить, насколько удался его первый дебютъ.

Вышедшія книжки «новой серіи изданій» носятъ характеръ сборниковъ и состоятъ изъ ряда мелкихъ повѣстей и стихотвореній различныхъ авторовъ. Одна изъ нихъ, «Деревенскіе разсказы», заключаетъ въ себѣ слѣдующія вещи: «Горе» — Чехова, «Орлиное гнѣздо» — Б.-Бернсона, «Провѣрка общественныхъ денегъ» — Прошьянца, «Хуторокъ» — Юхани-Ахо, «Торпьеръ» — его же, «Учи-

тель» — *Быстренина*, «Старый звонарь» — *Короленко*, «Мать» — *Андерсена*, и проч.... Первый рассказ для специальной цѣли выбранъ не совсѣмъ удачно: не всегда и не всякое изображеніе аномальностей въ смѣхотворной формѣ проявляетъ горькій трагизмъ... Приведемъ изъ рассказа нѣсколько словъ разговора съ земскимъ докторомъ, рисующагося въ воображеніи «непутеваго мужика» Григорія Петрова, когда онъ везъ свою забитую старуху на излѣченіе въ городъ:

— Павелъ Ивановичъ! Ваше высокоблагородіе! Благодаримъ васъ всепокорно! Простите насъ, дураковъ, анаемовъ! Не обезсудьте насъ, мужиковъ! Насъ бы въ три шеи надо, а вы изволите беспокоиться, ножки свои въ снѣгъ марать!

— Чѣмъ въ ноги-то бухать, ты бы лучше, дуракъ, водки не лопалъ да старуху жалѣлъ. Пороть тебя надо!

— Истинно, пороть, Павелъ Ивановичъ, побей меня Богъ—пороть! А какъ же намъ въ ноги не кланяться, ежели благодѣтели вы наши, отцы родные!.. (7—8 с. с.).

Намъ припоминается здѣсь своеобразная оцѣнка произведеній Гоголя со стороны крестьянина, «большого любителя чтенія» въ селѣ ¹⁾. Прочитавъ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», «О томъ, какъ поссорился И. И. съ И. Н.» и «Мертвые души», онъ воскликнулъ: «Вотъ такъ писатель! Какъ грустенъ ни будь, а прочтешь его—и повеселѣешь». Если ужъ *такія* произведенія иногда вызываютъ слезы... отъ смѣху, то что же сказать про значеніе другихъ, гдѣ шаржъ беретъ верхъ надъ талантомъ?

«*Орлиное гнѣздо*» проводитъ идею, крайне безыдейную... Надъ горнымъ селеніемъ, на недоступной вершинѣ скалы, орлы свили гнѣздо и съ тѣхъ поръ много зла причиняли поселянамъ, похищая ягнятъ и козлятъ, даже дѣтей. Нашелся однажды смѣльчакъ, который взялся разорить гнѣздо; но попытка его увѣнчалась роковымъ неуспѣхомъ: онъ сорвался со скалы и расшибся... И вотъ тенденція автора: «*Все же хорошо, когда что-нибудь стоитъ такъ высоко, что не все могутъ достигнуть его*» (21 с.).

«*Учитель*» написанъ съ цѣлью показать, «до чего темнота-то доводитъ, неразуміе-то наше» (81 с.). Зашелъ въ заброшенную деревушку старецъ и задумалъ онъ, видите ли, народъ просвѣщать.

«Ну, и пошло ученье. Утромъ съ малышами возится учитель, а вечеромъ съ большими. И такъ, я вамъ, дружки, скажу, что въ скорости почестъ все грамотными стали. Къ новому году уговорилъ онъ насъ газету выписать. Тутъ еще лучше пошло. Какъ кто идетъ въ воскресенье къ обѣднѣ, приказываемъ зайти въ волость за газетой, а вечеромъ соберемся къ учителю и слушаемъ, что гдѣ дѣлается. Просто свѣтъ увидѣли. Даромъ, что въ глухомъ дѣсу живемъ, а все, что ни дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, все до тонкости знаемъ. Вотъ вѣдь какъ!» (74 с.).

Вдругъ прошла сплетня, что просвѣтитель—бѣглый каторжникъ, и просвѣщенные рѣшили отъ него отдѣлаться, да отдѣлались такъ, что «отъ суда не отвертѣлись...» Вотъ вѣдь какъ иные народные писатели фабрикують положенія! Вотъ вѣдь какъ они утрируютъ языкъ!

Содержаніе *Сказки* Андерсена таково. Мать сидитъ у изголовья больного ребенка и томится страшнымъ предчувствіемъ. Вдругъ является Смерть,—въ человѣческомъ обликѣ,—и исчезаетъ вмѣстѣ съ ребенкомъ. Убитая мать идетъ на поиски. Послѣ нѣкоторыхъ чудесныхъ столкновеній, она очутилась въ диковинномъ домѣ, гдѣ росли цвѣты и деревья, представляя прежнія жизни. Тутъ она

¹⁾ «С.-хв. обзоръ Твер. губ. за 1895 г.», Приложенія, стр. 14, Т. 1896.

встрѣтилась со Смертью, которая дала ей понять, что дитя потому взято такъ преждевременно, что въ будущемъ, на землѣ, его ожидало бы непрерывное горе. И бѣдная мать убѣдилась, что *все* въ мірѣ ниспосылается къ лучшему. Выводъ этотъ противорѣчитъ міросозерцанію современнаго человѣка, и выборъ сказки представляется намъ неудачнымъ и неумѣстнымъ въ такомъ сборникѣ, какъ разбираемый.

Глубоко правдивый, идейный и художественный «*Старый звонарь*» Короленко насильственно втиснуть не въ свою среду.

«Никогда еще такъ не звонилъ старый Михеичъ... И старое сердце забыло про жизнь, полную заботъ и обиды... Забылъ старый звонарь, что жизнь для него сомкнулась въ угрюмую и тѣсную вышку, что онъ въ мірѣ одинъ, какъ степной пень, разбитый злою непогодой... Онъ слушаетъ эти звуки, поющіе и плачущіе, летящіе къ горнему небу и припадающіе къ бѣдной землѣ, и кажется ему, что онъ окруженъ сыновьями и внуками, что это ихъ радостные голоса, голоса большихъ и малыхъ, сливаются въ одинъ хоръ и поютъ ему про счастье и радость, которыхъ онъ не видалъ въ своей жизни... И дергаетъ веревки старый звонарь, а слезы бѣгутъ по лицу, и сердце усиленно бьется иллюзіей счастья...»

— Эй, посылайте на смѣну!.. Старый звонарь отзвонилъ...»

Мозгъ «деревенскаго» читателя скорѣе всего затронется свѣтомъ и теплотою подобныхъ словъ. И напрасно думаютъ иные мудрецы, что это читатель—совсѣмъ особой породы, что перестъ имъ необходимо кривляться...

Про остальные три «деревенскіе разсказа» можно только сказать, что они производятъ впечатлѣніе какихъ-то обрывковъ.

Гораздо болѣе удаченъ другой сборникъ г. Сытина, озаглавленный «*Рождественскіе разсказы*» («Сердце заговорило» — *Весткирха*, «Рождественская ночь» — *Станюковича*, «Поздняя вечеря» — *Потанинко*, «Христова ночь» — *Мачтета*, «Праздникъ бабушки Ульяны» — *Бострома*). Однако, не всѣ части и этого сборника имѣютъ цѣну. Въ повѣсти «*Сердце заговорило*» бросается въ глаза сентиментальность и натянутость... Пресыщенный, черствый сынъ ростовщика миллионера случайно увидѣлъ ничѣмъ неприкрытую картину нищеты и... мигомъ преобразился. «Давать радость другимъ, облегчать чужія страданія—вотъ какая будетъ отнынѣ дѣль его жизни! Онъ чувствовалъ, что будетъ жить, будетъ страдать за ближнихъ, потому что въ немъ проснулась сила—живая сила—любви къ людямъ.»

«*Поздняя вечеря*» — изъ «легкихъ» вещей, не задающихъ какою-либо тенденціей. Сюжетъ несложенъ: дядя Якимъ не отдавалъ за Миколу своей Мотри, не смотря на взаимность молодыхъ людей, и согласился на свадьбу только тогда, когда парень спасъ дѣвушку отъ случайной смерти.

«*Христова ночь*» изображаетъ скорбную исторію одного ссыльнаго поляка, который, по освобожденіи, вернулся на родину, но, найдя въ жизни близкихъ ему людей рѣзкій поворотъ къ худшему и встрѣтивъ перемѣну ихъ отношеній къ нему самому, снова возвратился въ глухую сибирскую тайгу, въ ожиданіи неизвѣстнаго лучшаго.

«*Рождественская ночь*» — совершенно дѣтская повѣсть о томъ, какъ матросы на берегу моря нашли малютку. А «*Праздникъ бабушки Ульяны*» — ничего не стоящій разсказъ, какъ къ нищей-бобылкѣ ребенка подкинули и какъ ей пришлось примириться съ этимъ «*Богомъ посланнымъ гостемъ...*»

Будучи болѣе стилистиченъ, сравнительно съ предыдущимъ, настоящій сборникъ страдаетъ, какъ и тотъ, главнымъ недостаткомъ—отсутствіемъ руководящей нити, которая бы связывала воедино отдѣльные его элементы, давая болѣе или менѣе цѣльное понятіе объ извѣстномъ явленіи или фактѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что общаго между «бабушкой Ульяной» и «ссылнымъ полякомъ», между «матерью» и удивительнымъ «учителемъ», кромѣ развѣ того, что ихъ поселили за общей обложкой съ какимъ-то ярлыкомъ?

Третій сборникъ носить названіе «Житейснїя невзгоды» и состоитъ также изъ мелкихъ статей («Мечты» — *Чехова*, «Звѣрство» — *Мамина*, «На двоицѣ» — *Потапенко*, «Степа» — *Станюковича*, «Вымершій типъ» — *Астырева*, «Исторія черного сюртука» — *Кретиера*, «Хасъ-пуши» — *Раффи*).

«Мечты» — задушевный и умный рассказъ... Двое сотскихъ конвоируютъ бродягу. Это — бродяга по недоразумѣнію и въ высшей степени жалкій. «Я — человекъ нѣжный, болѣзненный, люблю въ чистотѣ и спать и покушать», рекомендуется онъ своему сброду начальству (начальству — тоже по недоразумѣнію). Присѣли отдохнуть путники, и разболтался тутъ добрый, наивный бродяга, обнажая передъ простодушными людьми всѣ безотрадные детали своего прошлаго и настоящаго, фантазируя — вмѣстѣ — о будущемъ, о вольготной жизни въ Сибири. Его мечтанія увлекаютъ и сотскихъ: они задумались, стараясь представить себѣ «картины вольной жизни, какою они никогда не жили». «— Не доберешься ты до привольныхъ мѣстовъ... Вишь, ты какой дохлый...» И этотъ суровый приговоръ, неожиданно произнесенный однимъ изъ мужиковъ надъ бродягой, въ конецъ разрушилъ розово-мечтательное настроеніе всѣхъ троихъ. Теперь уже

«сотскіе напрягаютъ умъ, чтобы обнять воображеніемъ то, что можетъ вообразить себѣ развѣ одинъ только Богъ, а именно то страшное пространство, которое отдѣляетъ ихъ отъ вольнаго края. (А передъ бродягой) живо вырастаютъ судебная волокита, пересылныя и каторжныя тюрьмы, арестантскія барки, томительныя остановки на пути, студенныя зимы, болѣзни, смерти товарищей...

«— Ну, пора идти. Отдохнули!» (19—20 с.).

«Вымершій типъ» касается вопроса о крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ, оставляя открытымъ разрѣшеніе его въ ту или другую сторону,

«Послѣдніе остатки старины рухаютъ на нашихъ глазахъ... Когда же было лучше: прежде, когда мужикъ былъ богатъ, но ходилъ до пятидесяти годовъ въ «мальчикахъ», и когда старшій въ семьѣ могъ его высѣчь на глазахъ у внуковъ, — или теперь, когда всякъ себѣ хозяинъ, но нѣтъ у многихъ такихъ хозяевъ ни кола, ни двора, ни лошади, ни скотины?» (97 с.).

«Хасъ-пуши» — наиболѣе содержательная повѣсть въ сборникѣ. Ея фабула относится къ эпохѣ голода въ Персіи... Доведенная бѣдствіемъ до крайнихъ предѣловъ, тегеранская чернь возмущалась, при чемъ счастливое обстоятельство столкнуло ее непосредственно съ шахомъ. — и шахъ узналъ тогда правду, отъ которой тщательно его оберегала система.

Остальное содержаніе «Житейскихъ невзгодъ» не вызываетъ особыхъ возраженій по существу, и заслуживаетъ полнаго вниманія. Будучи проникнуто симпатіей къ «малымъ» и «низшимъ», оно не даетъ, впрочемъ, ничего, кромѣ отрицанія... *Tamen est laudanda voluntas!*